
Александр ЕВСЮКОВ

ЧЕРНЫЙ ОРЕЛ

Рассказ

Эта история основана на подлинных фактах биографии американского авиатора-добровольца, оказавшегося в период Зимней войны 1939–1940 годов единственным чернокожим инструктором и командиром финской эскадрильи.

1

Шум от самолетов, непрерывно садившихся и взлетающих со всех видимых полос аэродрома Дабл-Даллес, перестал гудеть в ушах у Мартина — двери Музея аэродинамики и Космических полетов сомкнулись за ним. После нескольких секунд внезапной тишины его слух настроился на привычные звуки человеческого улья: нудные голоса экскурсоводов, энергичный топот из одного зала в другой, изумленные возгласы, щелчки фотоаппаратов.

Мартин огляделся, ища нужный указатель.

И вдруг ощутил — это не так срочно, как только что казалось. Он в особом месте.

Здесь — от бетонного пола до скругленной крыши огромного ангара — отовсюду прямо к твоему широченному носу слетелась и замерла сама история. Gee!¹ Ведь на всем этом кто-то летал. No kidding...² На каждом аппарате — от вон тех неуклюжих первых планеров с нелепыми велосипедными колесами до могучего космического «шаттла». Целые эскадрильи легких самолетов — разведчиков и истребителей — подвешены наверху; более тяжелые — бомбардировщики и лайнеры — расположены на твердом основании. Где-то посреди всей этой армады должны быть и боевые машины той далекой войны, куда лучшие американцы отправлялись волонтерами, чтобы сражаться искусно и мужественно, вызывая восхищение даже у врагов.

Пропустив плотную группу тайваньцев, которые беспокойно озирались и будто пытались прикрыться своими гаджетами, как древние воины щитами, Мартин размеренно двинулся туда, где, согласно электронному гиду и стрелкам указателя, располагался тридцать девятый зал. Разумеется, ему не раз присылали фото и видеоотчеты, но это — совсем не то.

Александр Владимирович Евсюков родился в 1982 году в г. Щекино Тульской области. Выпускник Литинститута 2007 года. Публикации в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Номо Legens», «Вайнах» (Грозный), «Бельские просторы», «Звезда Востока» (Ташкент) и др. Участник Форумов молодых писателей России. Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016). Проза переведена на итальянский язык.

¹ Надо же!

² Без шуток.

Зал №39 был посвящен лучшим в истории летчикам-афроамериканцам.

На двух десятках стендов были размещены портреты и подробные военные биографии этих величайших асов прошлого. Среди них достойное место занял дед Мартина. Третий справа. Чернокожий гигант. Как-то раз он при внуке сдержанно посетовал, что ему бывало непросто уместиться в кабине, сконструированной будто бы нарочно для лилипутов; но затем благодушно добавил, что он все же как-то справлялся и даже устраивался наилучшим образом.

И улыбнулся. Так, как улыбался он один. Не только губами, но и каждой черточкой лица, каждой морщинкой вокруг глаз.

А вот и знакомое живое лицо. Начальник отдела маркетинга Дэнни Уотерс. Он же Дэнни-Белоснежка. Его дед по матери был чистокровным белым южанином и сильно «осветлил» всю их породу.

— Здорово, Дэнни! Все ок?

Дэнни был без очков и потому напряженно прищурился, а затем, узнав босса, кивнул с усталой улыбкой:

— Да. Отлично.

— Смотри-ка, а дедуля выделяется и здесь. *«Вашингтон Линкольн Дж. Грантлерой, — нараспев зачитал Мартин, — родился... Умер... В ходе Зимней войны в Финляндии сбил пятнадцать советских самолетов. Представлен к наградам. За бесспорное летное и стрелковое мастерство получил от братьев по оружию прозвище — Черный Орел»*. Да, стенд что надо! Так и чувствую причастность к славе американского оружия. И ты, наверно, тоже. Правда, сноуи?³

— Мы постарались, Март, — кивнул Дэнни, как будто не расслышав дразнящего эпитета. — Полгруппы узкоглазых простояли у стенда минут десять. А до этого шведы, немцы и еще ребята, похожие на русских.

— Это круто, — уважительно кивнул Мартин, — особенно если русские.

— Больше всех, как я заметил, интересуются женщины. Некоторые грустно так вздыхают.

— Интересно, о чем они при этом думают?

— Уж тебе ли не знать?! — оживился Дэнни. — На кого западают все бабы в округе? Моя секретарша и та как-то выдала: «Ах, мистер Март!.. О, мистер Март!»

— Ну, значит, скоро отправлю тебя на важные переговоры, — Мартин подмигнул, — а сам загляну под вечер в твою приемную. Иначе — будет невежливо.

— Пошел ты. Это моя секретарша! Она должна работать, а не...

Мартин ухмыльнулся с довольным видом.

— Новости есть? — спросил он уже всерьез.

— А-а! — Дэнни хлопнул себя по лбу и скрылся за ширмой.

Вернулся он спустя полминуты в очках и с большим серым конвертом, обклеенным множеством разноцветных марок. И вдруг замер в двух шагах, несколько раз переводя замороженный взгляд с черно-белой фотографии на физиономию босса.

— Мать вашу... — наконец выдал он. — Как я сразу не заметил? Вы же — одно лицо!

— И не только лицо, Дэн, — доверительно проговорил Мартин. — Меня хотели назвать в честь него Вашингтоном Линкольном... В самый последний момент передумали. Но дедов портрет — поменьше этого — висел у нас в гостиной. Каждый раз перед выходом я видел его, и что-то обязательно припоминалось: как он шел по улице, как возил нас с друзьями в Диснейленд, как однажды растолковал полицейскому, в чем именно тот неправ. А меня сегодня в самолете разбудил

³ Snowy («снежок») — распространенное пренебрежительное прозвище белых у чернокожих американцев.

ло радио — я проснулся от джазовой мелодии тридцатых годов. И узнал ее, представляешь? Потому что однажды он сел за пианино, сыграть после ланча. Сначала со смехом постучал по клавишам, ну так, как могли бы ты или я. А вот потом заиграл, и вдруг я понял, что в тот момент он не видел никого из нас, не видел ни комнаты, ни окна — лишь что-то далекое и прекрасное. Мы все застыли, как столбы, и слушали. А потом он отклонялся и сразу ушел... Ладно, это мелочи. Главное — дед облетел полмира, побывал в десятках стран, чуть не каждый день рисковал жизнью, но остался прямым и честным. И больше всего мне хотелось равняться на такую жизнь, как была у него.

Затем он слегка встряхнул головой:

— Так что у тебя?

— Тут конверт принесли. Как раз из Финляндии, судя по обратному адресу.

— А внутри?

— Доставили сегодня утром. Я решил подождать тебя.

— Правильно, — одобрил Мартин. Он сам вскрыл конверт и извлек оттуда сложенный вдвое лист тонкой бумаги. Развернул его, всмотрелся. Лицо его выразило озадаченность.

— Что там? — негромко спросил Дэнни, когда Мартин наконец поднял взгляд.

— Похоже на счет...

— За что?

— Какой-то непогашенный долг деда, — он протянул Дэнни зашелестевший листок. — Но я об этом никогда не слышал.

— Да, точно счет, — подтвердил Дэнни. — И что думаешь делать?

— Надо с этим разобраться. А то мне как-то не по себе.

— Ну, так зашли кого-нибудь из наших дня на три-четыре в эту финскую дыру, — пожал плечами Дэнни. — Раз это важно!

Мартин повернулся, молча подошел к стенду и ладонью коснулся дедовой груди на фотографии.

— Еще как важно!.. — в его голосе почудилось сдерживаемое рычание. — Вот что: я сам полечу в эту гребаную Финляндию. Узнаю, что там за дела. А заодно лично встречу с теми, кто помнит, как все было на самом деле. Держись тут, дед! Я не забыл тебя.

— Значит, стенд оставляем как есть? — уточнил Дэнни.

— Само собой, — решительно подтвердил Мартин. — На ближайшую неделю ты будешь за главного. Оставляю все на тебя, мой белокожий брат!

— Слушай, Март, — Дэнни вдруг взвился, — тебе самому еще не надоело?..

— Что — зацепило, да? А, сноуи? — Мартин усмехнулся и слегка толкнул Дэна ладонью в плечо.

Тот приподнял кулаки, обозначив защитную стойку:

— Как только ты вернешься от этих своих финнов, я прямо в офис притащу такого черного парня, рядом с которым ты будешь смотреться как бледная поганка. Помяни мое слово!

— Идет. Ставлю ящик виски. Либо уволю, если не притащишь, — веско резюмировал директор компании Мартин Лютер Грантлерой и размашисто зашагал по коридору.

— Э-эй, ты серьезно? — Дэн замер на месте и только сдвинул очки на вспотевший лоб.

— Хельсинки покажет, — крикнул Мартин в ответ и, не оборачиваясь, помахал ему рукой.

2

Негромкие аплодисменты в салоне стихли. К борту подали трап.

Мартин начал поеживаться уже на верхней ступеньке. Как здесь мглисто и ветрено! Пришлось сжать зубы и поднять воротник.

— Хеле! Вы мастер Грантлерой? — до Мартина донесся голос со странным выговором привычных слов.

Он кивнул.

— Я ваш э-э... встречающий. Как был перелет?

— Нормально. Перед посадкой немного трясло. Самолет, что ли, давно не проверяли?

— Нет, это такой стиль Вилли. Он ваш пилот. Пройдемте к машине. Душ, ужин — и завтра можно отправиться прямо по адресам.

3

— Осторожно, тут ступенька... а там еще две. Теперь вот сюда. Садитесь. Подождите минутку. Оглянитесь пока — у нас самое лучшее место для стариков во всей коммуне. Сейчас я его привезу... Вам кофе? Или, может, котикалью?⁴ Да, это вещь — слежу за всем циклом, и получается на совесть.

Мартин успел не только допить котикалью, мысленно оценив ее перспективы для рынка Среднего Запада, но и раз восемь оглядеть комнату с недорогой шведской мебелью, когда из боковой двери бесшумно въехала каталка. На ней восседал старик с совершенно белыми волосами и странным водянистым взглядом. С его мундира летчика сверкали начищенный орден и три медали.

— А вот и Пентти, наш славный старик Пена. Знакомься, это мистер Грантлерой — прилетел к нам из самой Америки.

— Знакомая фамилия... — глухо пробурчал старик.

— Если правильно расспросить, Пена все вспомнит из того времени. Это нам тяжело угадать, когда ему приспичило в туалет, — вот тут ничему нельзя верить. Надуваете еще раз промочить горло — крикнете погромче, я буду недалеко.

— Так. Чего от меня надо? — безразлично взглядываясь в потолок, спросил бывший летчик.

— Я хочу узнать про моего деда. Его звали Вашингтон Линкольн, он был офицером авиации. А вы — последний ветеран из его эскадри...

Взгляд старика потемнел, будто муть поднялась вдруг со дна озера.

— Вашингтон Линкольн?.. — вдруг резко перебил он. — Это был кусок вонючего эфиопского говна, а не офицер авиации. Чего вылупился?.. Его я помню, как сейчас. Когда он появился, штабные носились с ним как с писаной торбой. Нашего прежнего командира только что отправили на вечный дембель. Возвращаясь из патруля, он влетел под огонь зениток — наших собственных зениток — и лишился обеих ног; еще и пол-лица обгорело, как головешка.

И тогда на следующее утро объявился он — Черный Орел. Так он всем представлялся. Личный друг туземного короля и главнокомандующий императорской авиацией Абиссинии. Самый героический летчик во всей Африке.

— Но так и было, — пробормотал Мартин. — Дед был настоящим асом...

— Ага. Рассказывали, что когда он прибыл в штаб, то с порога затребовал себе генеральский чин и должность на самом опасном участке. Но генералов у нас хватало.

⁴ Котикалья (Kotikalja) — финское домашнее пиво.

Хватало и полковников. Тогда кто-то умный предложил ему возглавить нашу эскадрилью и показать себя в капитанском чине.

Говорят, он оскорбился и хлопнул дверью. А потом позвонил и неожиданно дал свое согласие.

Нас тогда выстроили неподалеку от взлетки. Мы и сами не отходили от нее далеко. Шли самые тяжкие недели войны. Мы кидались в кабины по сигналу тревоги, разлепляя пальцами глаза или дожевывая на бегу свои бутерброды. Мы все были тощие и издерганные. Готовые уснуть на ходу. Мы давно забыли про победу. Главное было продержаться еще день, вернуться обратно вот с этого чертова вылета.

Его подвезли на машине. Черного с блестящими глазами. Высоченного, выше тебя, если встанешь на цыпки. Новенькая капитанская форма сидела на нем как влитая. На руках белые перчатки. Он обвел взглядом каждого из нас: летчиков и механиков. Мы же глядели на него с большим сомнением.

Он подошел к самолетам. Потрогал хвост одного, потом крыло. Это был старый «бульдог» с дырками и царапинами от осколков, кое-как замазанными краской.

Вернулся к нам.

— Does anybody speak English?⁵ — спросил он.

— I do⁶, — я шагнул из строя.

Он одобрительно хлопнул меня по плечу:

— Будешь переводить.

Я отсалютовал и повернулся к своим товарищам.

Начал он вполголоса:

— Вы все смотрите на меня, и каждый думает: зачем этот черный парень приперся к нам сюда через полсвета? В эти снега, в этот холод? На вашу войну... Что ему помешало греть бока на солнце, пить лучший виски и наслаждаться любовью жарких красоток? И никто не находит ответа. Я сам нашел ответ совсем недавно. Потому что встретил одного вашего земляка. И он рассказал мне все, что видел и знал. Я слушал его четыре часа. Он рассказал о бомбежках каждую ночь. О женщинах и детях, которые должны спасаться бегом по снегу. Но никто из них не просит вас сдать. И тогда перед внутренним взором мне открылась эта маленькая обледеневшая страна — главный оплот свободного мира! И я понял: это НЕ ТОЛЬКО ВАША война, — и тут его голос стал громким, как рев трубы, и донесся, наверно, до леса. — Потому что немногие набрались бы духа, чтобы сказать «нет» сильному и наглому соседу, но вождь, сын Солнца нгусэ нэгэс⁷, — тут у нескольких человек из строя глаза округлились, а он прокашлялся, — то есть ваш президент и лидер Куости⁸, ответил решительно и твердо. Этот ответ разнесся повсюду и многие люди, и целые страны наконец вспомнили о том, что такое честь. Именно поэтому я не мог отсиживаться дома. И оказался здесь с вами еще раньше, чем подошла главная помощь. Русские орды сейчас наступают, они уже готовы торжествовать, а вам кажется, что все потеряно. Но даже с такими отчаянными мыслями вы же напрягаете все силы? И все равно сражаетесь? И вам все равно удастся победить? Даже летая вот на этом! — он ткнул пальцем в сторону старого «бульдога». В строю согласно загудели. — Я знаю, каждый из вас — классный летчик и стрелок. Каждый будет стоять большевистской эскадрильи, если только дать ему в руки штурвал настоящей боевой машины. Меня зовут Вашингтон Линкольн, и так меня называли не

⁵ Кто-нибудь говорит по-английски?

⁶ Я говорю.

⁷ Титул императора Эфиопии до 1975 года.

⁸ Куости Каллио (1873—1940) — финский политический деятель, в 1937—1940 годах президент Финляндии.

зря. А знаете почему?.. Потому что сегодня я привез вам надежду. Надежду на независимость и свободу. Весь мир сейчас смотрит сюда. Весь мир желает нам победы. И уже скоро, совсем скоро к нам придут новые самолеты. Они называются «брюстеры». Запомните это. Я обучу каждого из вас летать на них. А драться и побеждать вы и так умеете! — одобрительный гул все нарастал. — С ними мы заставим этих выскочек отступить так далеко, как им никогда еще не приходилось. Нас ожидает Великая Финляндия от Балтики до Урала. Все подневольные народы ждут освобождения, ждут только нас. А тем, кто не дойдет до конца этого пути, суждена слава в веках!

— Да... верно... нас... — всюю выкрикивали из строя.

— И даже эта сомнительная метка... — тут он указал рукой на борт ближайшего самолета с синим знаком, похожим на свастику.

— Хакаристи, — подсказал я ему.

— И даже эта метка «хакаристи» обретает другой смысл, когда позволяет вам, свободным людям, узнавать в бою своих — людей, которые тоже летят драться за свободу! За Великую Финляндию! Вместе!..

Помню, как огромное облако пара вышло у него изо рта, как резко он взмахнул рукой и замолчал.

Он замолчал, но отзвуки речи носились в воздухе.

— ВЕ—ЛИ—КА—Я—А—А ФИН—ЛЯНДИЯ! — проорали мы истошным хором.

— Вашингтон!.. Командир!.. Веди нас! — неслоь отовсюду.

Тогда он поднес перчатку к правому глазу и, казалось, смахнул слезу. Затем крепко пожал каждому из нас руку и сказал одно главное слово:

— Скоро!

Тут же сделали фото с ним и с тремя нашими лучшими пилотами. Все они сидели на корточках под винтом самолета и бесстрашно глядели в объектив.

После этого Черный Орел помахал нам рукой, а потом, прямой и гордый, прошагал вдоль взлетки, сел в машину и скрылся за поворотом.

А мы, позабыв про голод и сон, возбужденно ходили взад-вперед. Мы были уверены, что теперь-то все изменится. Не может не измениться! Каждый чувствовал себя неуязвимым викингом. И каждому хотелось взлететь немедленно, безо всякой тревоги.

...Всего через день после той речи сбили моего друга Воитто. Еще через двое суток он вернулся. Добрел до нас, хромая, — отморозил три пальца на ногах.

Мы ждали Орла — он еще не появился. И мы сражались без командира.

А потом наше неполное звено атаковало бомбардировщиков. Теперь они летали с прикрытием из нескольких И-16. Мы спикировали сверху и сцепились с ними. Я нажал на гашетку, и один истребитель, задымив, ушел вниз. Тут началась «собачья свалка»⁹. Второй сделал «бочку» и вывернулся из-под огня. Зато третий так отходил меня из пулеметов, что сам конструктор бы не узнал тот аппарат, который плюхнулся брюхом прямо в промерзшее болото. Я услышал, как мой затылок стукнул о металл, и отключился.

Меня обнаружили лыжники из Охранного корпуса.

Черный Орел не пришел проведать меня. Наверно, встречал те самые самолеты.

Через несколько дней в госпитале по всем палатам объявили, что война кончилась. Русским отдали почти все, что они хотели.

Помню, как подавленно мы тогда замолчали.

А потом я вспомнил речь Орла, и вдруг сам заговорил, и уверил всех, что это перемирие — еще не конец. Что мы вернем все потерянные земли и заберем себе много новых. После этого в одной стране с нами навсегда останутся и карелы, и вепсы,

⁹ «Собачья свалка» (сленг) — ближний воздушный бой на виражах.

и удмурты, и коми, и даже мордвины. И наша восточная граница будет прочерчена по Уральским горам. Так будет, совсем скоро!

Лица у парней повеселели. Помню, как с соседних коек мне протягивали хлеб, яйца и шоколад.

А потом меня выписали, я навестил родню и отправился в часть. Именно в этот день случилось то, чего мы так давно ждали. На наш аэродром пригнали тех самых грозных «брюстеров». И Вашингтон Линкольн должен был лично совершить испытательный полет. Только я еще не знал, каким цирком это окажется.

— Дед начинал в воздушном цирке... — неожиданно для себя вслух проговорил Мартин.

— Так он и продолжил, — согласился старик. — Только другие не знали, что это цирк.

Нас снова выстроили. Подвезли Орла. Лицо его казалось опухшим. А еще я тогда заметил, что руки у него подрагивали.

В этот раз он только невнятно кивнул нам. Пересек взлетку. Забрался на крыло, с него — в кабину.

«В порядке», — возвестил он оттуда.

Мы услышали, как заработал мотор. Минут пять самолет стоял неподвижно. И вот — накренился в одну сторону, потом повернул в другую. С трудом вырулил на полосу и стал набирать скорость. В самом конце он оторвался, но полетел слишком низко. А вблизи от полосы начинался лес. «Выше!» — надсадно заорали у меня над ухом. И самолет дернулся, но колеса шасси зацепились за сучья ближайшего дуба. «Брюстер» подпрыгнул в воздухе, кувыркнулся через капот и рухнул в самую чащу.

Мы во весь дух ринулись туда. И только штабная машина на самом финише нас опередила. Это им удалось вытащить ошалевшего Орла прежде, чем бак рванул.

Не забуду, как штабной майор достал из-под шинели круглую фляжку и собрался было к ней приложиться.

— Виски?.. Дай! — захрипел Орел и разом отхлебнул из фляжки добрую треть.

Затем, прямо перед полыхавшей дубравой, он вдруг распрямился и замахал рукой:

— Подгоните мне второй. Я взлечу! Сейчас точно взлечу!

— От пинка бы он взлетел быстрее, — сплюнул под ноги Воитто.

И только тогда я, зеленый юнец, внезапно все понял. Как будто с глаз пелена спала. Этот хренов проходимец водил нас всех за нос. Все, что он умел, — это болтать и обнадеживать. И еще жрать виски.

Второго самолета никто не подогнал. Черного Орла увели в машину. И отвезли в Хельсинки. А потом отправили куда подальше за океан.

Много позже один репортер-американец рассказал мне, что это был его коронный трюк — точно так же он расколошматил самолет в Абиссинии, и бедная Абиссиния осталась без авиации в самом начале войны. Его там собирались линчевать, и он спасся только чудом.

Старик замолчал. Потрясенный Мартин поднялся с кресла:

— Что это за байки?! Мой дед таким не был.

— Таким он и был, — упрямо проговорил старик Пентти. В его глазах читались ненависть и сознание своей правоты. Это был взгляд бойца, вызывающего врага на поединок.

Но внезапно Мартин услышал странный звук и посмотрел вниз. От ноги старого Пентти по полу растекалась лужа.

— Эй! — крикнул Мартин. — Мы закончили. И у старика небольшая проблема.

— Убирайся! — прорычал вслед ему Пентти. — И не вздумай кому сказать, что ты сейчас видел.

4

— ...Ну, и наболтал вам наш Пена с три короба! Сейчас провожу вас, и будем менять парадные брюки. С ним такое случается, когда крепко спит или с кем-то сильно заспорит. Но запеленать себя он не позволит. Никогда. А?.. Есть ли что покрепче, чем котикаля?.. Обычно, конечно, есть. С утра вот было. Но — уже все. Вам бы доехать до магазина и спросить. А лучше до гостиницы. Вот там точно нальют. И поставят отличную холодную закуску. По этой улице до перекрестка и направо, к площади. Напротив памятника маршалу¹⁰. Ну все, бывайте — пойду к нему. Как бы не застудился, бедолага!

5

— Разумеется. Все в наличии. И будет готово не дольше чем через двадцать минут. Можете проверить с секундомером. Мы — старейшее заведение в городе и дорожим своей репутацией. Итак, шотландский виски, мясо на углях и фирменный салат? Главное — виски?.. Прекрасно. Один момент.

Но всего через минуту молодой, весь в веснушках и с оттопыренными ушами, официант вернулся к столику с пустым подносом.

— Простите, у меня такое впервые, но очень просили уточнить: как ваша фамилия? Грантлерой? Гран-тле-рой. Грант-ле... Еще раз извините.

Через пять минут к столику вместе с официантом подошел представительный дородный мужчина в дорогом костюме. Виски при них снова не было.

— Прошу проявить понимание. Это предварительный счет на ваш заказ. Вынужден убедительно просить вас оплатить его вперед... Никакого черта, но такова последняя воля моего отца, также бывшего распорядителем этой гостиницы. Ваша фамилия Грантлерой, и пока не будет погашен старый долг другого Грантлероя, вы автоматически оказываетесь в «черном списке». Мы не сможем доверить вам ничего, что, хотя бы гипотетически, способно нанести нам ущерб даже на один пенни. То есть на один цент, как сказал бы отец теперь.

Спустя десять минут виски и салат все-таки появились на столе. Вслед за ними вновь подошел тот же толстяк в костюме.

— Спасибо. Да, мы проверили — ваши деньги настоящие. Не взыщите, что так получилось. Теперь ведь и вам спокойнее, правда? Конечно присяду, если угодно.

...Так это был ваш дед? Ну надо же! Вот так встреча! Лет мне немало, я давно в этом бизнесе и, честно сказать, ничему уже сильно не удивляюсь. И все-таки — да, ваш дед, несомненно, вошел в историю нашего заведения. Он — наш самый давний должник. Сколько именно? Несколько десятков тысяч марок за все время. Я могу уточнить в бухгалтерии. Да, конечно, схожу туда чуть позже. Ваше здоровье!..

...Мой отец часто вспоминал, как Грантлерой прибыл на постой в конце той военной зимы. Уже в форме нашего капитана. Он тут же снял люкс, оплатил его американскими долларами на три дня вперед, дал на чай швейцару и коридорному, чтобы они затащили наверх его чемоданы, в которых что-то позвякивало. Потом помахал у всех перед носом пачкой зеленых купюр, очень веско подтверждавших его будущую платежеспособность. И больше денег от него никто уже не видел.

Тем же вечером генерал-майор Лундквист лично заезжал за ним на служебном лимузине. Это сильно всех впечатлило.

¹⁰ Имеется в виду Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) — финский военный и государственный деятель; в 1939–1946 годах — верховный главнокомандующий армии Финляндии. В 1933 году ему было присвоено почетное воинское звание фельдмаршала Финляндии.

Должен заметить, мой покойный отец знал свою работу, умел вышколить коридорных и взыскать плату с нерадивых постояльцев, но с вашим дедом у него как-то не заладилось.

По вечерам Грантлерой, любивший рекомендоваться новым знакомым как Черный Орел, неторопливо спускался, проходил в холл за рояль, пробегался по клавишам и начинал. Говорят, когда он был в ударе, то так играл, так наяривал свои джазовые мелодии, что всем вокруг казалось: они уже не здесь, в холодной Суоми, а перенеслись куда-нибудь туда — в Луизиану — и за окном не суровая Балтика, а ласковая Миссисипи. И будто бы на фронте у нас снова все спокойно и надежно. Вот поэтому-то на него было невозможно долго сердиться.

Кроме того, при настойчивых попытках взыскать долг, который рос с каждым днем, он угощал отца отменным виски и рассказывал, что обо всем договорился и скоро его временные задолженности погасит само правительство. Чаще всего он давал обещания от имени руководства Финляндии, но время от времени ссылался и на авторитет Соединенных Штатов. А пару раз припомнил о своих прочных связях с императором Абиссинии, который уж точно отыщет возможность выручить старого друга.

...А еще были женщины. Их тянуло к нему как магнитом. Они обступали его впятером или вшестером и завороченно слушали, как кобры — дудку факира. Потом он пропадал на всю ночь, а утром за кофе небрежно сообщал, что вылетал вчера и сбил два или три вражеских самолета. «Жаркая выдалась ночка», — неизменно добавлял он.

— Только, — тут дородный распорядитель придвинулся поближе и перешел на шепот, — отец догадывался, что он никуда не летал. И самолетами называл не совсем самолеты. Потому что он продолжал их сбивать и после того, как уже объявили о перемирии.

Бывало, к вечеру он так набирался, что начинал промахиваться мимо клавиш. Однако сюда приходили все новые девушки и слушали даже эту его какофонию так восторженно, будто перед ними выступал оркестр фон Караяна¹¹.

Пока шла война, здесь тоже слышались отзвуки бомбежек, но все-таки это — столица страны, до границы недалеко, и здешняя жизнь текла иначе.

Так прошло месяца четыре, и вот поползли упорные слухи о скорой большой войне на всем континенте. Многие американцы уже отбыли, другие торопливо собирались, то и дело заговаривая про места на заветном пароходе. И только наш постоялец Черный Орел отмахивался от подобных расспросов и продолжал свои ночные вылеты.

Но бесконечно так продолжаться не могло. Как-то вечером отец попросил раступить девушек у рояля и задал вопрос с твердым намерением добиться точного ответа.

Грантлерой выслушал его, этак меланхолично отстукивая пальцем по одной и той же черной клавише.

«Без проблем, — вдруг сказал он. — Какова полная сумма?» Отец назвал. Услышав о таких деньгах, девушки вокруг рояля перестали шептаться и затаили дыхание. «Так когда же вы наконец сможете расплатиться?» — «Прямо сейчас, — прозвучал невозмутимый ответ, — поднимусь в номер, возьму деньги и за все расплачусь. Доллары сотенными купюрами вас устроят?»

Он и правда поднялся в номер и спустя четверть часа снова появился на лестнице. Но теперь его походка стала резкой и взвинченной. Не дойдя семь или восемь ступенек до первого этажа, он остановился, вскинул голову и обратился ко всем

¹¹ Герберт фон Караян (1908—1989) — знаменитый австрийский дирижер, на протяжении 35 лет работал с Берлинским филармоническим оркестром.

сразу: «У меня сперли ящик виски! Прямо здесь, в этом отеле, — грохотал он. — Все меня слышат?.. Кто бы это ни был, я вызываю мерзавца на дуэль: наземную либо воздушную! Я жду!» Однако других дуэлянтов за столами не нашлось.

Тогда Орел спустился и подошел к отцу. «Дайте лист гербовой бумаги. Я напишу маршалу Маннергейму. Так я этого не оставляю!» Отцовский помощник раздобыл нужный лист. Грантлерой положил его на крышку рояля и стал писать. «А долг?» — робко спросил отец, пытаясь вернуться к главной теме. «Это не просто долг — это дело чести! — стукнув по крышке кулаком, ответил ему Орел. — Все. Изложил. Я немедленно отправлю эту бумагу в штаб и останусь здесь до самого конца разбирательства. Это же Финляндия — цивилизованная страна, и никому не позволено здесь такое вытворять!»

После этого он пробыл у нас еще пять дней, за каждым завтраком и обедом неизменно разглагольствуя о том, чего именно он ожидает от скорого разбирательства.

Однако никаких обнадеживающих вестей из штаба все не поступало. Тогда отец снова забеспокоился и стал ходить кругами, набираясь духа для нового разговора с Грантлероем. В этот раз они столкнулись днем. Было малоллюдно, как сейчас.

«Вашингтон, это серьезно», — начал отец. «Еще как», — грустно кивнул тот. «Я не про ваш чертов виски! Я говорю про долг перед нашей гостиницей. У вас номер люкс с отдельной сауной и...» — «Что поделатъ, — Орел с лицом фаталиста развел руками, — я не могу жить в других». — «Но вы не погасили ни пенни долга. И все ваши обещания — только рассказы для простофиль. Я сейчас же вызываю полицию!» — «Что ж, зовите. А я, пожалуй, пойду — меня хотят видеть в штабе».

И Грантлерой шагнул к главному выходу. Отец вцепился ему в рукав. А швейцар Руди двинулся им наперерез. Наверху, услышав шум, зашевелились коридорные.

Но вдруг только что казавшийся апатичным Вашингтон стряхнул отца со своей руки, промчался мимо Руди и вылетел за дверь.

Затем все они видели, как Орел с расстегнутым воротом и надорванным рукавом бежит наискосок через площадь и отчаянно машет руками большой черной машине с американским флажком на капоте.

Автомобиль посольства затормозил. Были слышны обрывки разговора.

«Я — американский гражданин, — возбужденно кричал Грантлерой. — Моей жизни угрожает опасность... Какие союзники? Эти дикари хотят расправы...»

Его слушали с недоумением.

«В посольство, — продолжал он. — А потом к маршалу. Есть место на заднем сиденье?»

И место в посольской машине нашлось. Грантлерой уехал с ними и больше у нас не появлялся.

Когда вошли в номер, то обнаружили, что его чемоданов там уже не было. Зато повсюду были разбросаны пустые бутылки от виски, рома и водки. Да еще несколько забытых женских подвязок валялись под кроватью.

Говорили, что сам Грантлерой отчалил в Штаты из порта Лиинахамари в Петсамо¹² на одном из последних перед войной транспортных судов.

Никакого ответа на его запрос о краже виски ни от маршала Маннергейма, ни от генерал-майора Лундквиста, ни от кого другого, разумеется, так и не пришло.

Вот, кажется, и все, что мне известно про вашего деда.

— Все?.. — рассеянно переспросил Мартин.

Распорядитель кивнул. Мартин привстал и наклонился через стол:

¹² Петсамо — историко-географическая область, принадлежавшая Финляндии с 1920-го по 1944 год. Лиинахамари — до 1944 года единственный арктический порт Финляндии, имел выход в Баренцево море; ныне поселок в Мурманской области.

— Так это вы прислали счет на выставку?.. Бухгалтер? Толковая дама? Да, очень толковая... — Он протянул толстяку визитку: — Это мой адрес в Америке. Пускай еще раз проверит счет и выставит мне на оплату.

6

— Алло, Дэн. Все ок?.. Отлично, вот пусть и занимается. Скажи, чтобы связались с департаментом, там помогут. А это подождет... Да, еще в Хельсинки. В аэропорту, скоро вылетаю. Здесь все по-другому. Холодно. И очень странно... Да, узнал, много всего. И знаешь, ты был прав: я как бледная поганка. Не звони мне. Пока.

7

Мартин тяжело опустился на сиденье в зале ожидания и замер, глядя перед собой в одну далекую точку. Где-то на другой планете объявили несколько рейсов. Сколько-то неразличимых людей проследовали к автобусам на них.

А сам он вдруг остро ощутил, что только пластиковые подлокотники еще помогают держаться на месте, иначе сквозняк так и сдует его, покатит по бетону и по заснеженной земле. Забытый стаканчик из-под кофе хрустнул в его руке.

Вдруг слева раздалось покашливание. Через минуту оно повторилось. Нехотя повернул голову. Пара сияющих голубых глаз неотрывно глядели на него снизу вверх. От этих глаз по лицу разбежались морщины. Рядом с Мартином сидела старушка с седыми волосами, в пальто и шляпке.

— П-простите, вы не родственник мистера Грантлероя? — переборков смущение, спросила она.

— Не-ет, — решительно встряхнул головой Мартин. Хватит с него здешних сюрпризов!

— Как жаль... — протяжно вздохнула старушка.

— Почему? — недоуменно выговорил он.

— Потому что жаль. Вы так на него похожи! Это удивительно. Я никак не могу отделаться от мысли, что вы — это... Но, наверно, я так его больше и не увижу, — она снова вздохнула. — Мы познакомились у входа в отель. Я стояла на самой нижней ступеньке и боялась даже приблизиться, не то что войти. Помню, как снег опускался хлопьями, а когда приоткрывалась дверь, свет люстр падал на сугроб. За дверью было какое-то волшебное и недоступное для меня место. Я стояла, запахнувшись, и ожидала непонятно чего. И тут он вышел из машины и шагнул было мимо, но потом повернулся и сказал: «Привет, я — Ваш». Так он представился. «А я Эстери», — проямлила я. «Надо согреться, Эстери», — тихо сказал он и накинул свою летнюю куртку мне на плечи. А потом мы легко прошли мимо швейцара. И Ваш, то есть мистер Грантлерой, сел за рояль. И какой это был вечер!

Мы виделись еще несколько раз. А потом ему так срочно пришлось уехать, что не было случая попрощаться. Но он успел оставить мне письмо, в котором уверял в своих чувствах и в том, что мы обязательно встретимся... Я ждала его, готовилась к этой встрече и, видите, даже сносно выучила английский.

Знаете, обычно я гуляю по площади. Смотрю и все припоминаю. Но иногда сижу здесь. Если бы случилось чудо и вы бы кем-то ему приходились, я бы не удержалась и рассказала об этом Маарики. Мистер Грантлерой точно вспомнил бы Маарику. Она была высокая и прямая, и глаза у нее были не голубые, как у всех нас,

а — зеленые. Раньше мы, бывало, встречались здесь, но сейчас ее вывозят в коляске, и она уже не та, и глаза стали непонятно какого цвета.

Потом мне рассказывали про него разные мерзости, но я знала, что это не может быть правдой.

— А вдруг может?

— Нет, он был не такой, — она убежденно покачала головой. — Мой родной брат пришел с той войны с покалеченной рукой, и с грошовой пенсией, и с невзрачной такой медалькой. Он молчал по целым суткам, а потом напивался и орал, махая своей культей, что жизнь — дерьмо, и вся наша Великая Финляндия — чушь собачья, и воевать с русскими — это как бороться с горой. Если он выходил, то его били, и мне приходилось забирать его, лежавшего в кроватке луже, переносить на себе, и перевязывать, и все это время слушать, слушать. «*Ты что думаешь? — хрипел он мне на ухо. — Что мы там чуть не победили?.. Да еще неделя такой войны, и нам бы пришлось капитулировать!*» А потом он снова молчал дней пять, только кряхтел в своем углу по ночам, а утром тихо — всегда очень тихо — уходил на службу.

Потом у меня появился муж, родились дети. Мы хорошо жили, и я была порядочной женой. Но только Грантлерой всегда был моим героем. Потому что таким и должен быть настоящий мужчина. Романтиком. Тем, кто всегда находит самые нужные женщине слова. Даже если знает их всего четыре десятка. Именно его я всегда вспоминала в тяжелые минуты.

И еще ту музыку, которую он играл нам тогда. До сих пор ее слышу. Целых семьдесят лет!

— Да? Слышите?.. — переспросил Мартин. Как же глупо он, наверное, сейчас выглядел!

Эстери прикрыла глаза, кивнула и задумчиво произнесла:

— Слышу.

На секунду у Грантлероя перехватило дыхание. Никакого радио поблизости не было, но он мог поклясться, что тоже услышал эхо замирающих звуков, прежде чем склонился и благодарно прижался губами к ее морщинистой руке.